А. А. Пауткин

В. М. ГАРШИН И СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVII в.

(«ЗАМЕТКИ О ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ВЫСТАВКАХ»)

Связь творчества В. М. Гаршина с изобразительным искусством широко известна. И, конечно, основополагающей здесь является профессиональная деятельность писателя в качестве художественного критика. В 1887 г. в петербургском «Северном вестнике» (№ 3) была напечатана статья о пятнадцатой передвижной выставке – «Заметки о художественных выставках». Она открывается рассуждениями о роли критики, общественном назначении живописи, но главное место тут занимает анализ двух больших полотен, впервые продемонстрированных публике и ставших событием художественной жизни 1887 г. Это «Христос и грешница» В. Д. Поленова и «Боярыня Морозова» В. И. Сурикова. Обе работы, чрезвычайно высоко оцененные Гаршиным, давали рецензенту, несмотря на все их несходство, своеобразный сюжет для сопоставления: яркое изображение преступницы и многоликой толпы. Вообще слово «толпа» оказывается ключевым. В небольшой статье оно встречается в различных контекстах двадцать пять раз. Ведь речь идет о запечатлении художниками не просто народных типов, а о воплощении некоего умственного и нравственного движения эпохи, повлиявшего на судьбы людей. К толпе причисляет себя и сам писатель, подобно древнерусскому книжнику начиная свое сочинение словами: «Велика дерзость, с которой я, человек толпы, решаюсь говорить о живописи»[1].

Внимание медиевиста привлекает и даже в чем-то соблазняет своей прихотливой формой и особой «разнодисциплинарностью» содержания вторая, заключительная, часть гаршинской рецензии, посвященная картине Сурикова. Здесь всего на нескольких страницах в удивительном сплаве предстают перед читателем история, литература, искусствознание, психология. Многоплановость информации побуждает к поиску источниковедческого объяснения этого явления, к реконструкции круга доступных писателю материалов по истории

раскола. Гаршинская интерпретация «Боярыни Морозовой» – интереснейший документ эпохи, обобщение научного и художественного опыта конца 80-х гг. XIX в., отражение тогдашних идей и предубеждений.

В том же 1887 г., но уже в Москве публикуется статья В. Г. Короленко «Две картины» («Русские ведомости», № 102). Она имеет подзаголовок – «Размышления литератора». В главных оценках самих полотен, в трактовке исторических реалий, легших в их основу, и даже в композиционном отношении статья Короленко близка гаршинской рецензии. Однако в этих размышлениях нет опоры на письменные свидетельства или труды историков. Восприятие «Боярыни Морозовой» всецело основано на впечатлении, так сказать на бытовом, «внеисточниковом» ощущении прошлого, продиктованном современностью. По мысли Короленко, Суриков запечатлел «идейные сумерки»: «Он показал нам нашу действительность. Можно ли сказать, что мы уже вышли из этого мрака? Не испытываем ли мы всей этой тоски и разлада, не ищет ли современный человек веры, которая бы возвратила нам спокойствие и осияла для нас внешний мир внутренней гармонией понимания? Веры, которая бы осуществляла любовь и не противоречила истине, знанию?»[2]. Вообще у Короленко больше внимания уделено работе Поленова. Судя по всему, ее пафос и гармония ближе писателю. Гаршин же, напротив, глубже погружен в русский материал. В его прочтении московских событий начала 70-х гг. XVII в., помимо впечатления от гениального полотна, заметна опора на публикации текстов, научные исследования и полемические сочинения по вопросам истории раскола.

Главный источник Гаршина – «Повесть о боярыне Морозовой» в так называемой Пространной редакции. Написанная в Москве в середине 70-х гг. XVII в., она впервые была опубликована Н. И. Субботиным именно в 1887 г. в «Материалах по истории раскола за первое время его существования»[3]. Введение в научный оборот многих документов – важнейшая заслуга этого ученого. Текст повести представлен в гаршинском изложении несколькими цитатами. Что-то дается в переводе, например гордый ответ на слова стрелецкого головы Юрия Лутохина, посланного к узнице самим царем («Вот что для меня велико и поистине дивно: если сподоблюсь огнем сожжения в срубе на Болоте. Это мне преславно, ибо этой чести никогда еще не испытала» (360)), или разговор боярыни с Анной Михайловной Ртищевой, дочерью царского окольничего, кото-

рая уговаривает Морозову смириться, подумать о судьбе своего малолетнего сына Ивана, обладавшего ангельской красотой («Христа люблю более сына...»). Что-то слегка адаптируется автором, как, например, изречение, адресованное настоятелю Чудова монастыря Иоакиму: «Тако крещусь, тако же и молюсь!» (359). Но можно встретить в тексте и буквальные цитаты из повести XVII в. Прежде всего, это характеристики домашнего окружения боярыни и ее любви «иноческого образа и жития» (359).

Заточенная в Боровске ревнительница древлего благочестия умерла от голода 2 ноября 1675 г. Обстоятельства ее мучительной кончины переданы в повести с удивительным литературным мастерством. Гаршин не мог пройти мимо этого фрагмента. Бережно передает писатель предсмертный диалог узницы со стрельцом, стерегущим обессилевшую женщину, которая страдает от голода, но не сломлена ни смертью любимого сына, ни казнью единомышленников. Стрелец боится дать умирающей боярыне пищи: она просит у него сначала «калачика», потом «хлебца», «сухариков». «Ну, принеси мне яблоко или огурчиков» (361), – молит стражника Феодора[4]. И в этом ей отказано. Воин согласился лишь вымыть в реке ее сорочку, при этом «лицо свое слезами омывал, жалеючи боярыню» (361).

Используя материал повести, Гаршин допускает некоторые неточности, касающиеся истории допетровской Москвы. Так, он отмечает, что боярыню везут в тюрьму в Печерский монастырь. Речь, конечно, должна идти не о самом Псковском Печерском монастыре, а лишь о его подворье, располагавшемся в районе Арбата. Судя по всему, писатель также не знал, что Пожаром до второй половины XVII в. именовалась Красная площадь. Изображенная Суриковым первопрестольная не казалась ему достойной особого внимания («странные маленькие постройки» – 362). Красоту и величие древней Москвы реконструирует ровесник писателя – А.М. Васнецов, но произойдет это много позже, на рубеже XIX–XX вв.

Суриков, создавая свою многофигурную композицию, опирался на вполне конкретный эпизод повести: «...И всадиша ю на дровни, и повелено бысть конюху вести... И везена бысть мимо Чюдовъ под царския переходы. Руку же простерши десную свою великая Феодора и ясно изъобразивши сложение перстъ, высоце вознося, крестом ся часто ограждаше, чепию же такожде часто звяцаше... Святая же таково мужество показа, яко всему царствующему граду дивитися храбрости ея...»[5].

Гаршин не цитирует этого кульминационного фрагмента повести, так как тут дается слишком однозначная, не совпадающая с его видением раскола оценка мужества и правоты боярыни, устыдившей самого царя.

Но не только «Повесть о боярыне Морозовой» цитирует Гаршин. По крайней мере дважды звучит в его статье слово Аввакума, который еще с весны 1664 г. был духовником Феодосии Прокопьевны. Во-первых, приводится наставление протопопа, которое он дает своей духовной дочери по поводу ночной молитвы и поклонов. Это послание Аввакума, относящееся к 1671 г. Далее читателю предлагается достаточно большой фрагмент из «Жития Аввакума». Цитируя главное произведение расколоучителя, Гаршин опирается на знаменитое издание Н.С. Тихонравова 1861 г.[6] Первая публикация «Жития», на которую писатель дает прямую ссылку, сыграла весьма важную роль в истории освоения учеными и литераторами наследия Аввакума. Гаршина ужасала «превосходно задуманная и выполненная» фигура босого юродивого, сидящего на снегу. Здесь художник, безусловно, отталкивался в своей работе от аввакумовской характеристики юродивого Федора, многие годы ходившего босиком по морозу. И хотя рецензент, верный реальной хронологии событий, замечает, что «это не Федор, который в то время уже был повешен, но один из подобных ему» (362), все-таки приводит прочувствованные слова протопопа об этом необычном человеке: «Много добрых людей знаю, а не видел (такого) подвижника». Оценивая жертвенные поступки Федора, Гаршин цитирует натуралистическое описание физических страданий блаженного. Тут соединены признания юродивого, передаваемые в «Житии», и восторженные слова самого Аввакума: «Как от мороза в тепле том станешь, батюшка, отходить, зело в те поры тяжко бывает: по кирпичью тому ногами теми стукаешь, что каганьем; а на утро опять не болят» (360).

Воспользовавшись публикациями материалов раскола, осуществленными Н.С. Тихонравовым и Н.И. Субботиным, Гаршин ссылается (с указанием страниц) и на книгу историка И.Е. Забелина «Домашний быт русских цариц» (первое изд. 1869 г.). С ее помощью он характеризует знатность рода боярыни, при этом упоминает небывалое дотоле при дворе событие, когда Феодосья Прокопьевна в январе 1671 г. отказалась участвовать в церемонии бракосочетания Алексея Михайловича с Нарышкиной (считается, что к этому времени бояры-

ня уже приняла тайный постриг). Вот как об этом событии говорится в «Повести о боярыне Морозовой»: «Преподобная же сего ради не восхоте приити, понеже тамо в титле царя благоверным нарицати и руку его целовати, и от благословения архиересовъ ихъ невозможно избыти»[7]. Скорее всего, первоначальное знакомство будущего писателя с трудами Забелина относится еще к гимназическим временам.

Год 1887 можно назвать весьма примечательным в истории изучения и художественного осмысления раскола (например, в этом же году двадцатипятилетний М. В. Нестеров написал свою «Христову невесту»). К этому моменту уже накоплен определенный исследовательский опыт, который обобщается в вышедших тогда же библиографических указателях А. С. Пругавина и Ф. Сахарова[8]. Труды полемистов с расколом все еще ценятся высоко. Более других в этом деле преуспел проф. Субботин, занимавший кафедру истории и обличения раскола Московской духовной академии. К 1887 г. относится и начало длительного спора между Субботиным и Н. Ф. Каптеревым, который приступил в этом году к публикации в «Православном обозрении» своего труда «Патриарх Никон как церковный реформатор и его противники». Нападки Субботина носили научно некорректный характер, походили больше на травлю. Прибегая к помощи обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева, он впоследствии добился приостановки печатания исследования Каптерева и даже лишения его степени доктора в области церковной истории.

Обе статьи (и Гаршина, и Короленко) отражают ранний этап в изучении раскола и его текстов, когда господствовала убежденность в бессмысленности противостояния никоновским реформам. При всем различии позиций историков раскола они сходились в это время в своей негативной оценке Аввакума как темного фанатика, обладавшего непомерным самомнением. Ведь и до них А. Ф. Щапов, писавший о расколе с либеральных позиций, одну из причин этого движения видел в невежестве староверов. Так полагал не только Щапов, но и страстный обличитель-полемист Субботин, а также гораздо более объективный в своих оценках Каптерев.

Вот и Гаршин не испытывает симпатии к раскольникам, он их жалеет: «Глубокую жалость возбуждают эти несчастные, гибнущие из-за призраков!» (362). Эти люди, по мысли писателя, создали себе «искусственный, призрачный мир привязанностей». Возникающие в сознании старообрядцев призра-

ки названы «мрачными» и «бездушными». Сама же боярыня, хоть и «замечательная» своей силой женщина, обладает «темной душой». Она «загублена мраком», в ее окружении «тупая» Меланья (ср. с «мелкой, ничтожной и темной идеей» раскольников у Короленко[9]). Что же, в подобных оценках все достаточно традиционно. Пожалуй, первым из русских писателей, кто резко критиковал Аввакума с рационалистических позиций, совершенно отказывая ему в уме, был еще Антиох Кантемир. Гаршин – человек своего времени, когда еще только пробуждается интерес к староверам, а вместе с ними и к древнерусскому искусству вообще. Грубость и «неразвитость вкуса» людей XVII столетия он как бы противопоставляет грядущему галантному веку. Недаром в толпе суриковских москвичей писатель с такой теплотой выделяет мальчика, в котором видит «будущего сподвижника только что родившегося тогда Петра» (363) (у Короленко это просто «юноша с широко открытыми испуганными глазами»[10]).

Интересно, что, характеризуя противников непреклонной боярыни, изображенных на картине, Гаршин испытывает желание поправить Сурикова, вступить с ним в полемику: «Должен признать, что, по моему мнению, в изображении этого попа художник не совсем прав, Очевидно, он не любит этого попа, он немного даже подчеркивает: смотрите, подлый человек рад насилию» (363). Как тут не вспомнить слова самой боярыни Морозовой, сказанные в ответ на увещевания патриарха. Питирим говорит ей: «Много попов на Москве», – а в ответ слышит: «Много попов, но истиннаго несть»[11]. По мысли писателя, еще более страшными были бы последствия, если бы власть оказалась в руках Аввакума и Морозовой. Духовные наставники старообрядцев и есть «внутренние насильники». Конечно, у предложенной писателем исторической альтернативы нет никакой реальной почвы, хотя психологические особенности личности расколоучителей могут порождать подобные мнения. Но разве иным правом обладал властолюбивый Никон? При всей односторонности оценок раскольников (сам художник отнесся к ним более сочувственно) Гаршин справедливо подчеркивает исконно русскую черту, веками укорененную в национальном сознании, – сочувствие к гонимому, потерпевшему поражение. «Да, велика сила слабости!» – восклицает писатель (363).

Как известно, Суриков совершил переворот в исторический живописи. Гаршин это чутко уловил, несмотря на то что

творчество художника будет развиваться еще не одно десятилетие: «Такого изображения нашей старой, допетровской толпы в русской школе еще не было. Кажется, вы стоите среди этих людей и чувствуете их дыхание» (362). Уже после смерти писателя, постепенно XVII столетие станет восприниматься в изобразительном искусстве как классическая старина. «Бунташный» век будет даже поэтизироваться. Ведь не только В. Г. Шварц и С. В. Иванов обращались к его образам, а и «одержимый русским XVII в.» А. П. Рябушкин[12]. Но об этом Гаршин уже не узнал. Да и трудно предположить, как бы он отнесся к полотнам, не чуждым нарядной декоративности.

В заключение напомним некое мистическое обстоятельство. Через двадцать пять лет после смерти Гаршина именно экзальтированный раскольник-иконописец нанес страшные повреждения репинской картине «Иван Грозный и сын его Иван». Пострадало и лицо царевича, моделью для изображения которого был сам Гаршин.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Гаршин В. М.* Сочинения. М., 1955. С. 351. Далее страницы по этому изданию указываются в скобках.

[2] *Короленко В. Г.* Собрание соч.: В 10 т. Т. 8. М., 1955. С. 304.

[3] Житие боярыни Морозовой, княгини Урусовой и Марьи Даниловой // Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., 1887. Т. 8. С. 137–203.

[4] Считается, что Феодосия Прокопиевна Морозова приняла тайный постриг около 1670 г. под именем Феодоры.

[5] Повесть о боярыне Морозовой цитируется по: Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 2. М., 1989. С. 464.

[6] Житие протопопа Аввакума, им самим написанное / Изд. под ред. Н. С. Тихонравова. СПб., 1861.

[7] Повесть о боярыне Морозовой. С. 459.

[8] См.: *Пругавин А. С.* Раскол – сектантство. Библиография старообрядчества и его разветвлений. М., 1887. Вып. 1; *Сахаров Ф. К.* Литература истории и обличения русского раскола: Систематический указатель книг, брошюр и статей о расколе и сектантстве, находящихся в духовных и светских периодических изданиях. Тамбов, 1887. Вып. 1.

[9] *Короленко В. Г.* Указ соч. С. 303.

[10] Там же. С. 301.

[11] ПЛДР. XVII век. Кн. 2. С. 470.

[12] *Мурина Е. Б.* Андрей Петрович Рябушкин. М., 1961. С. 5.